12+

Тихие Аккорды Черноглазова

повесть из московской жизни 1890-х годов

Краснощёков Вадим Михайлович

Вадим Краснощеков

Тихие аккорды Черноглазова. Повесть из московской жизни 1890-х годов

«Издательские решения»

Краснощеков В. М.

Тихие аккорды Черноглазова. Повесть из московской жизни 1890-х годов / В. М. Краснощеков — «Издательские решения»,

Москва 1890-х. Молодой инженер Владислав Черноглазов строит новую Россию — и не замечает, как строит свою судьбу по чужому чертежу. Дом, где его ждут, оказывается ловушкой; женщина, которой он верит, — расчётом. Повесть о том, как тихие аккорды неслучившейся любви звучат громче грохота века пара и железа.

© Краснощеков В. М.
© Издательские решения

Содержание

Тихие аккорды Черноглазова 6
Глава I 6
Глава II 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Тихие аккорды Черноглазова
Повесть из московской жизни 1890-х годов

Вадим Михайлович Краснощеков

© Вадим Михайлович Краснощеков, 2026

ISBN 978-5-0071-6833-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тихие аккорды Черноглазова
Повесть из московской жизни 1890-х годов

Глава I

Весной 1893 года Москва переживала ту особенную, лихорадочную и мощную пору своего перерождения, когда старый, патриархальный уклад трещал по всем швам, уступая место новому, дотоле неведомому веку пара и железа. Прежняя, барская Москва с ее помпезными особняками на Поварской и Пречистенке, с ее ленивым дворянским бытом, где жизнь мерилась не часами, а церковными службами да обедами, стремительно уходила в прошлое. На смену разорившимся потомкам древних родов, вынужденным за бесценок закладывать свои родовые гнезда в Опекунский совет, шло новое, напористое и деловое сословие.

Дворянство, некогда бывшее единственной опорой государства, теперь переформировывалось, распадалось и искало себе новые формы. Одни, не способные приспособиться к духу времени, безнадежно беднели и угасали в глухих переулках Арбата; другие же, напротив, сбрасывали с себя сословные предрассудки и смело вливались в кипучую промышленную жизнь, понимая, что отныне ценность человека измеряется не числом крепостных душ в ревизских сказках, а силой ума, воли и полезного труда.

Город рос вширь и ввысь, окутываясь дымом фабричных труб. На окраинах — за Пресней, в Сокольниках, за Рогожской заставой — как грибы после дождя вырастали колоссальные корпуса мануфактур. Москва становилась сердцем русской индустрии. Но главным локомотивом этого движения, в самом прямом смысле слова, были железные дороги. Стальные нити рельсов, точно гигантские артерии, связали древнюю столицу с окраинами империи, с портами Черного и Балтийского морей, с далеким Уралом. Вокзалы — Николаевский, Ярославский, Курский — превратились в новые центры городской жизни, куда ежедневно стекались тысячи людей, миллионы пудов хлопка, угля и хлеба. Быстрота сообщения диктовала новый, невиданный прежде ритм жизни, где время приобрело свою строгую денежную стоимость.

В этой атмосфере промышленного взлета Москва рождала и своих новых героев — купцов-меценатов, людей широкого размаха, в которых удивительным образом сочетались трезвый коммерческий расчет и страстная, почти неистовая любовь к искусству. Одним из ярчайших символов этого времени был Савва Иванович Мамонтов. В его доме на Садовой-Спасской и в подмосковном имении Абрамцево ковался новый русский ренессанс. Мамонтов, строитель Ярославской и Донецкой железных дорог, ворочавший миллионами, жил театром, оперой, живописью. Он собирал вокруг себя лучших художников, певцов и музыкантов, доказывая всей России, что русский купец способен не просто наживать капиталы, но и созидать великую национальную культуру, двигая вперед и промышленность, и дух человеческий.

Именно в эту кипучую, обновленную Москву 1890-х годов, столь непохожую на прежний сонный город, уверенно входил молодой человек, в фигуре которого, как в зеркале, отразились все противоречия и надежды уходящего века.

Владиславу Михайловичу Черноглазову было двадцать три года. В его внешности и манерах внимательный наблюдатель без труда заметил бы ту тонкую, едва уловимую печать изящества, которая выдавала его далекие, но обедневшие дворянские корни. Высокий, стройный, с быстрыми и необыкновенно внимательными темными глазами, давшими фамилию его роду, он обладал той врожденной грацией движений, какую невозможно было приобрести ни за какие деньги. Но в отличие от своих предков, проводивших дни в праздных выездах и карточной игре, Владислав Михайлович принадлежал к новой породе людей. Он был инженером.

Получив прекрасное техническое образование, Черноглазов смотрел на мир глазами человека, знающего законы механики и сопротивления материалов, но это знание не высушило его душу. Напротив, в точности инженерных расчетов, в гармонии работающих паровых машин он видел свою, особенную поэзию. Сейчас он работал у Саввы Тимофеевича Морозова — другого титана московской промышленности, ценившего в людях прежде всего деловую хватку и европейскую образованность. Владислав Михайлович занимался переустройством и модернизацией знаменитых морозовских мануфактур. Его обязанности требовали огромного времени, предельной концентрации и частых поездок за границу — в Англию и Францию, откуда он привозил новейшие чертежи станков, технические новшества и ту свободную, европейскую манеру держаться, которая так выделяла его среди сверстников.

В женском обществе Владислав Михайлович дефицита не испытывал. Молодой, красивый, прекрасно изъяснявшийся по-французски и по-немецки, имеющий прочное положение и блестящую перспективу в семье Морозовых, он был желанным гостем во многих московских домах. Барышни и их маменьки заглядывались на его ладную фигуру в элегантном сюртуке, отмечая его ум и некоторую загадочность. Сам же Владислав принимал это внимание легко и с тем естественным удовольствием, которое свойственно молодости и здоровью, но сердце его до поры оставалось свободным. Живой, подвижный ум инженера был слишком занят грандиозными задачами промышленного века, и в вихре московской жизни он искал не мимолетных увлечений, а чего-то более глубокого — подлинного культурного обогащения и понимания самого себя.

Глава II

В те годы Басманная улица сохраняла свой особенный, полудворянский-полукупеческий характер, столь отличный от делового центра или фабричных окраин. Здесь, среди тенистых липовых аллей, вековые барские особняки с лепными гербами на фасадах мирно соседствовали с добротными купеческими домами, чьи окна были плотно занавешены от праздных взглядов, а за высокими заборами прятались яблоневые сады. Быт здешних обитателей тек размеренно и чинно: по утрам тишину нарушал лишь мерный стук копыт извозчичьих лошадей по булыжной мостовой да протяжные крики торговцев-разносчиков, предлагавших то свежий квас, то живую рыбу. Старики-слуги в поношенных ливреях не спеша выходили за ворота забирать почту, а из открытых окон к полудню доносился густой запах пекущихся пирогов с капустой и свежемолотого кофе. Москва здесь жила по старинке, неохотно пуская в свой размеренный мир суету наступающего двадцатого века. Именно в этой сонной и строгой тишине Басманной, за глухими воротами просторного, но угрюмого деревянного флигеля с мезонином, располагалось родовое гнездо Черноглазовых.

Над родом Черноглазовых точно тяготело какое-то древнее, угрюмое проклятие, передававшееся из поколения в поколение вместе с фамильными портретами и темными, проницательными глазами: в этом семействе отцы никогда не ладили со своими сыновьями. Михаил Иванович Черноглазов, человек сухой, желчный и глубоко укорененный в привычках уходящего века, смотрел на успехи своего единственного сына не с гордостью, а с затаенным, раздраженным недоверием. Для него, привыкшего к чиновной размеренности прежней Москвы, инженерная деятельность Владислава, его бесконечные чертежи, пахнущие машинным маслом, и близость к «выскочке» Савве Морозову казались чем-то плебейским, суетным и лишенным истинного дворянского достоинства. Всякий разговор между отцом и сыном в доме на Басманной неизменно начинался с натянутого молчания, а заканчивался глухим, вежливым раздражением, от которого у обоих долго еще оставался тяжелый осадок на душе.

В тот вечер в доме Михаила Ивановича пахло не пирогами, а холодной застоявшейся обидою. Черноглазов-старший сидел в кресле у бюро, не зажигая верхней лампы, и в полутьме его сухая, прямая фигура казалась вырезанной из старого дуба. Владислав вошёл с чертежами — ему нужно было подписать бумагу о залоге пустующей половины флигеля, и он приготовил короткое, деловое объяснение.

— Батюшка, — начал он, кладя папку на край стола, — вот расчёт. Если мы сдадим низ под контору, а верх оставим, то через год проценты Опекунскому совету закроются почти без убытка для дома.

Михаил Иванович не взглянул на чертежи. Он смотрел на сына так, словно тот вошёл не с бумагами, а с известием о чужой беде, которая его, Михаила Ивановича, нисколько не касается.

— Ты полагаешь, — медленно проговорил он, и в голосе его было то ровное, вежливое отчуждение, от которого в доме стыла вода в графине, — что я затем шестьдесят лет держал этот дом в порядке, чтобы ты, инженер, учил меня, где мне брать проценты?

— Я не учу. Я считаю. Это разные вещи.

— Для тебя, может, и разные. — Отец чуть подался вперёд, и в его тёмных, тяжёлых глазах зажглось не раздражение даже, а какая-то ревнивая обида, точно у него отнимали не флигель, а последнее, что ему принадлежало. — Ты вот что мне скажи, Владислав. Кто тебе позволил решать за меня? Кто тебе дал право входить в мой дом и распоряжаться в нём, как в своей конторе у Морозова?

— Я не распоряжаюсь. Я предлагаю. Дом ведь и мой.

— Твой? — Михаил Иванович усмехнулся коротко и нехорошо. — Дом мой. И пока я жив, он будет мой. А ты в нём — гость. И то, что ты носишь мою фамилию, не даёт тебе права перекраивать мою жизнь по своим чертежам.

Владислав почувствовал, как внутри, где-то под рёбрами, холодно и отчётливо щёлкнуло что-то — точно в механизме, когда шестерня не попадает в зуб. Он вдруг ясно, до боли, понял то, что раньше только смутно предчувствовал: отец не спорит с ним. Отец не слышит его вовсе. Для Михаила Ивановича сын был не человеком с собственным умом и собственной дорогой, а частью его самого — таким же продолжением его «я», как его дом, его фамилия и его старые привычки. И всё, что в сыне не совпадало с этим продолжением, казалось отцу не иным мнением, а изменой.

— Хорошо, — сказал Владислав очень тихо. — Я оставлю бумаги. Посмотрите, когда будет угодно.

Он взял со стола папку — и тут же понял, что не возьмёт её обратно, что оставить её здесь значит признать правоту отца, а унести — оскорбить его ещё раз. Он всё-таки оставил папку на краю бюро, повернулся и вышел. В спину ему, не повышая голоса, ровно и почти ласково, прозвучало:

— Вот так-то лучше. Не суетись. Суетливые нынче все в выскочки метят.

В коридоре он постоял минуту, прижав ладонь к холодным перилам. Ни злобы, ни желания спорить не было. Было только тяжёлое, взрослое чувство, похожее на то, какое испытываешь, когда видишь, что механизм не сломан, а попросту устроен иначе, чем ты думал, и починить его нельзя, не разобрав до последнего винта.

Единственным ангелом-хранителем, пытавшимся разорвать этот порочный круг отчуждения, была вторая жена Михаила Ивановича — Елена Алексеевна Волоковская. Вышедшая замуж за вдовца, она сознательно принесла в жертву этому браку свои личные интересы и нерастраченную женскую нежность. Будучи по рождению из строгой, глубоко верующей старообрядческой купеческой семьи, она обладала тем редким даром духовной чуткости, который всегда так ценились в русских женщинах. Елена Алексеевна видела, как страдает Владислав от холодности отца, и как сам Михаил Иванович, замыкаясь в своей гордыне, мучает себя и сына. Окружив пасынка поистине материнской заботой, она не просто души в нем не чаяла — она видела в нем живую, ищущую душу, которой необходимо было помочь выстоять против фамильной суши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.